

с символическим повествованием кинопроизведения. Выделенные образы свидетельствуют о закономерностях, которые хочет подчеркнуть режиссер: в техногенном мире обостряется мифологизированность, иррациональность мышления человечества. Именно абсурдность и парадоксальность мира противопоставляется его разумному, рациональному пониманию, обыденному сознанию современного человека.

*С. В. Донских,
кандидат культурологии,
доцент, докторант
Белорусского государственного
университета культуры и искусств*

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПОВОРОТ В СОВРЕМЕННЫХ НАУКАХ О КУЛЬТУРЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Начало XXI в. характеризуется невиданным ранее углублением и дифференциацией научной специализации. Часто воспринимаемый как идеал современного научного исследования, междисциплинарный синтез на деле ведет к появлению все новых научных направлений, дисциплин и субдисциплин. При этом невероятно резко ускорилось течение социального времени. Например, целая историческая эпоха (эпоха глобализации) уложилась всего в тридцать лет – от окончания холодной войны и дезинтеграции «второго мира» (социалистического) около 1990 г. до пандемии COVID-19 и укрепления всех национальных границ от государственных до культурных в 2020 г. В результате большинство новых научных направлений просто не успевает сформировать собственные теоретико-методологические основания и выкристаллизоваться в самостоятельные научные парадигмы. Это позволило немецкой исследовательнице Дорис Бахманн-Медик применительно к наукам о культуре говорить о культурных поворотах, которые скорее являются стилями исследования, нежели собственно научными подходами и фиксируют не столько новые объекты, сколько возможные «инновационные концептуальные ракурсы» [1, с. 19, 31].

Свойственная культуре начала XXI в. компрессия времени и пространства в практике социально-гуманитарных исследований позволила элиминировать фактор времени и сосредоточиться на анализе пространства, которое вместо четких иерархических структур классического модерна все чаще интерпретируется посредством понятий констелляции и трансгрессии, что делает любые пространственные структуры современности априори неустойчивыми и сиюминутными. Лишенное устойчивой объективной структуры пространство трансформируется в перманентный процесс своего производства, конструирования и деконструирования. Это позволяет современному российскому философу В. И. Молчанову утверждать, что позиции и трансформации детерминируют все феноменологические горизонты субъекта относительно любых пространственных объектов, их групп (регионов) и самого пространства [2, с. 213–218]. Поскольку позиции характеризуются многовариантностью, а трансформации – перманентностью, то каждая область пространства или регион имеют множество образов, границ, структур и корреляций. Их трансформации будут детерминированы как интересами и широко понимаемыми социально-культурными характеристиками индивидуальных и коллективных субъектов, так и культурно объективированными горизонтами конкретных социальных групп, наций и исторических эпох.

Пространственный поворот в современных науках о культуре пытается зафиксировать и осмыслить новые отношения человека с пространством и новые качества пространства. Философ утверждает, что пространство есть не физическая данность, но результат социального производства. Любое пространство априори многослойно и противоречиво, что позволяет говорить о его гетеротопии и стремиться к выявлению многообразных социально-культурных смыслов, вложенных в него. Несмотря на свою культурную производность, любое пространство обладает интенцией к опредмечиванию, что проявляется в различных формах репрезентации. Тем самым оно локализует все культурные практики. Наконец, пространство всегда изменчиво в зависимости от динамики социальных отношений [1, с. 344].

В данном контексте первая очевидная проблема, связанная с имплементацией пространственного поворота в исследова-

тельские практики отечественной культурологии, обусловлена очевидной инерцией сознания человека и ее неизбежным результатом – устойчивостью традиционных моделей описания социально-культурного пространства. Базовый дискурс пространственного освоения «своего» пространства в отечественной культурологии имеет почти двухсотлетнюю историю и фундирован тремя основными факторами: физической географией Беларуси, трансформацией ее территориально-административного деления и границ, а также этнокультурными особенностями отдельных регионов. В данном культурном контексте формируются, сохраняются и коррелируют между собой устойчивые пространственные концепты:

– Беларусь как часть Восточной Европы, страна между Западом и Востоком (но никогда между Севером и Югом, словно Полесье поглощает Днепр и элиминирует всю богатую средневековую историю внешних культурных связей Беларуси с их ярко выраженным южным вектором);

– белорусские области как очевидные физические регионы, образованные по течению крупнейших рек (Брестская область – Побужье, или Западное Полесье; Витебская – Подвинье; Гомельская – Посожье, или Восточное Полесье; Гродненская – Понеманье; Могилевская область – Поднепровье).

Считается само собой разумеющимся, что каждому такому региону соответствуют уникальные этнокультурные традиции – от материальной культуры до народного творчества, но не самосознание, которое остается исключительно локальным.

Вышеизложенная пространственная модель верифицируема только в системе координат традиционного общества, причем рассматриваемого с точки зрения «безмолвствующего большинства», от имени которого впервые выступили революционно-демократические общественные и культурные деятели первой волны белорусского возрождения на рубеже XIX–XX вв. Она не учитывает и не объясняет особенности развития высокой культуры Беларуси, как сакральной, так и светской, а также не берет во внимание культурные и интеллектуальные горизонты пространственных констелляций, детерминированные становлением на территории Беларуси индустриального общества. А ведь именно в системе координат индустриального общества, или общества модерна, можно адекватно описать и понять устойчивый пространственный концепт Минска и Мин-

ской области как Центрального региона, формирование которого в минимальной степени связано с крупными реками и уникальными локальными фольклорными традициями.

Здесь можно отметить первую актуальную проблему отечественной культурологии, связанную с эвристическим потенциалом пространственного поворота, – вопрос о том, как Минск и Минская область в качестве центрального и/или столичного региона сформировали актуальное региональное культурное пространство Беларуси. Современный британско-российский исследователь А. Эткинд показал возможности данного подхода применительно к России – как процесс «внутренней колонизации» в рамках империи, которая постепенно и не везде удачно формировала из покоренных территорий и исторических провинций более-менее унифицированные и инкорпорированные в имперское целое регионы [6]. В белорусском социально-культурном пространстве крайне продуктивно раскрыть формы и механизмы не столько «внутренней колонизации», сколько национализации и регионализации Минском и Минской областью как Центральным регионом культурного пространства Беларуси и его упорядочивания в рамках новой констелляции, соответствующей эпохе модерна и особенностям культурно-исторического опыта белорусского национального государства.

Основанные на реках как природных путях коммуникации, традиционные белорусские регионы сами по себе, без индустриального фактора Минска в качестве ядра Центрального региона, вряд ли могли сформировать общее национальное культурное пространство. Белорусские болота и леса по сегодняшний день определяют границы страны и отдельных областей (Полесье как естественная границы Беларуси и Украины или Беловежская пуца как естественная граница Беларуси и Польши). Белорусские реки текут в разные стороны. В традиционном обществе их течение ориентировало белорусские регионы вовне: в сторону Украины (Днепр и Сож), Латвии (Западная Двина), Литвы (Неман и Вилия), Польши (Западный Буг). Современная транспортная инфраструктура (изначально – железные дороги), промышленность (на первом этапе – перерабатывающая) и развитие демократической системы образования и культуры переломили эти негативные тенденции и сформировали на базе Минска социально-культурный узел, Централь-

ный регион для консолидации белорусских земель в Беларусь как национальное европейское государство, ибо данный процесс, несомненно, происходил в европейском историческом горизонте с учетом культурных трансферов европейского опыта.

К сожалению, инерционность традиционной пространственной модели белорусской культуры детерминировала физико-географический примордиализм первых исследований региональных культур белорусскими учеными в начале XXI в., что можно оценить как вторую важную проблему пространственных исследований в отечественной культурологии. Культурные регионы зачастую интерпретировались и позиционировались как пограничья, естественным образом связанные со своими приграничными соседями. В частности, Гродненская область рассматривалась как белорусско-польско-литовское пограничье [2], Могилевская область анализировалась в контексте белорусско-российского пограничья [4].

Пограничный модус исследования имеет полное право на существование и обладает неоспоримым эвристическим и научно-практическим потенциалом, особенно в рамках широко понимаемого культурного диалога [5]. Настораживает тот факт, что в отличие от успешных и по-прежнему популярных пограничных пространственных исследований отечественная культурология пока не обратилась к изучению и осмыслению пространственного многообразия Беларуси в контексте национальных культурных регионов не с исторической точки зрения (локализованные вдоль крупных рек этнографические регионы), а с точки зрения современной культурой топографии и ментальных карт белорусов начала XXI в. Образно говоря, проще ответить на вопрос, чем являются белорусские регионы для наших соседей с точки зрения культурного наследия и исторической памяти, но мы не всегда отдаем себе отчет о значении отдельных белорусских регионов для национальной культуры в целом – что и как они репрезентируют, локализуют, маргинализируют или отграничивают в белорусском культурном пространстве. Это неизбежно потребует новых исследовательских позиций – центрированных пространственными структурами индустриального и урбанизированного белорусского общества, а также трансформации феноменологических горизонтов социально-культурными констелляциями начала

XXI в., важнейшая из которых, несомненно, – выявленная американо-индийским интеллектуалом Дипешем Чакрабарти «провинциализация Европы», утрачивающая свой статус «локализованного будущего» и «воплощенного примера». Это требует особой чуткости пространственных исследований к неевропейским культурным трансферам [7].

1. *Бахманн-Медик, Д.* Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / Д. Бахманн-Медик ; пер. с нем. С. Ташкенова. – М. : Новое лит. обозрение, 2017. – 504 с.

2. *Беспамятных, Н. Н.* Белорусско-польско-литовское пограничье: границы, культуры, идентичности / Н. Н. Беспамятных. – Минск : РИВШ, 2009. – 244 с.

3. *Молчанов, В. И.* Феномен пространства и происхождение времени / В. И. Молчанов. – М. : Академический проект, 2015. – 277 с.

4. «Новый регионализм» и белорусско-российское приграничье / под ред. И. Я. Левяша, А. Г. Егорова. – Смоленск : СмолГУ, 2012. – 436 с.

5. Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога / под общ. ред. Л. П. Репиной. – М. : Аквилон, 2017. – 560 с.

6. *Эткинд, А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / А. Эткинд. – М. : Новое лит. обозрение, 2018. – 448 с.

7. *Chakrabarty, D.* Provincializing Europe. Postcolonial Thought and Historical Difference / D. Chakrabarty. – Princeton : Princeton University Press, 2008. – 336 p.

Ли Юй,

магистр искусствоведения

Белорусского государственного

университета культуры и искусств

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МИФА О МЕДЕЕ В ФИЛЬМЕ ПЬЕРА ПАОЛО ПАЗОЛИНИ «МЕДЕЯ»

Фильм Пьера Паоло Пазолини «Медея» (1969)¹ создан на основе древнегреческих мифов о Ясоне и аргонавтах и сюжету трагедии о дочери колхидского царя Эета в изложении древнегреческого драматурга Еврипида. Но отличительной особенностью этой ленты можно назвать достаточно вольную трактовку

¹ Медея (фильм_1969) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Медея_\(фильм,_1969\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Медея_(фильм,_1969)). – Дата доступа: 12.03.2020.